
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

РОССИЯ В ВЫБОРЕ ПУТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Николайчук О. А., Бондаренко Н. О.*

В условиях стагнации в экономике нашей страны необходимо четко обозначить основную цель поступательного экономического развития для восстановления высоких темпов экономического роста. Глубокое понимание такой цели определит возможные пути развития национального хозяйства. Учет исторических особенностей России позволит выработать собственный путь, выходящий за рамки «новой» капиталистической и «старой» социалистической парадигмы и объединяющий их наилучшие качественные характеристики. В результате исследования сделан вывод о необходимости построения модели экономического развития, основанной на существенной роли государства и ориентированной на налаживание тесного партнерства с бизнесом, в том числе с учетом цифровизации экономики, обеспечивающей темпы экономического роста выше мировых, что в конечном счете будет способствовать укреплению национальной безопасности страны.

Ключевые слова: *экономический рост, модель экономического развития, «Вашингтонский консенсус», государственное регулирование рыночной экономики, цифровизация экономики, национальная безопасность.*

In the conditions of stagnating economy it is necessary for our country to define the main goal of its progressive economic development in order to achieve high rates of economic growth. A profound understanding of this goal will determine the possible paths for development of national economy. The account of Russian historical peculiarities will allow elaborating our own way, going beyond “new” capitalist and “old” socialist paradigms and uniting their best qualitative characteristics. The study concludes that there is a necessity to create a model of economic development, based on essential role of the state and focused on establishing close partnership with business, including digitization of economy, which will ensure economic growth rates higher than the world ones, that will ultimately help to strengthen national security.

Keywords: *economic growth, economic development model, the Washington Consensus, government regulation of market economy, digitalization of economy, national security.*

* Николайчук Ольга Алексеевна – д. э. н., профессор Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ (Москва). E-mail: 18111959@mail.ru.

Бондаренко Никита Олегович – студент Финансового университета при Правительстве РФ (Москва). E-mail: nikita.bondarenko7@rambler.ru.

Основным направлением дискуссии среди российских экономистов, государственных и политических деятелей является поиск новых путей роста отечественной экономики для ее выведения из затянувшейся стагнации. Президент в майских указах 2018 г. сформулировал вполне конкретные целевые показатели, среди которых – вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности и др. [Указ... 2018]. Снижение уровня бедности, обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, повышение качества жизни стали во главу угла политики государства. Достижение данных целей должно сопровождаться ускорением технологического развития Российской Федерации, цифровизацией экономики и социальной сферы, что подразумевает полную перестройку национального хозяйства, направленную на достижение высокоэффективного характера экономических процессов. Здесь главное помнить, что наиболее опасным следствием автоматизации и роботизации человеческих функций может стать создание таких форм искусственного интеллекта, как УЧИ (универсальный человекоподобный интеллект) и ИСИ (искусственный суперинтеллект), которые создадут сильную конкуренцию не столько синим воротничкам, сколько белым – интеллектуальным, культурным, менеджеральным и политическим элитам общества [Ракитов 2018].

Безусловно, российский народ за свою многовековую и весьма непростую историю заслужил эпоху процветания, достижение которой должно стать главной целью для России на ближайшие годы. В статье речь пойдет о выборе средств для достижения этой задачи.

Понимание данной цели намного важнее для нас, чем может показаться на первый взгляд. В течение почти тридцати лет после краха Советского Союза наша нация не имела основной приоритетной цели. Поэтому все меры, предпринимаемые правительством на протяжении этого времени, не могли обеспечить сбалансированный рост российской экономики, поскольку не зная, куда идти, нельзя понять, как идти. Лишь четко сформулировав цель развития нашего общества и доминанту институциональной матрицы, можно более грамотно подойти к выбору пути достижения процветания российского народа. Мы стоим на позиции тех авторов, которые четко выделяют национальный менталитет в качестве доминантного института. Менталитет, темперамент, психология людей всегда определяли и будут определять их реакцию на внешний мир, взаимоотношение людей не только на бытовом, но и на государственном уровне. Именно мировоззрение человека, его отношение к себе и к миру, поставленные цели и задачи, способности и готовность проявить волю и действовать представляют собой главный фактор развития нации. Отметим, что данный подход не нов. Об исключительной важности психологического фактора для национальной истории и экономики писали представители немецкой исторической школы, а также В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский. В современной научной литературе отметим статью И. Н. Шапкина и Н. О. Воскресенской о национальном менталитете как продукте продолжительной эволюции общества, влияющем на все текущие процессы и предопределяющем их характер, динамику и направление в бу-

дущем [Шапкин, Воскресенская 2016]. В этом отношении нельзя не согласиться с Р. М. Нуреевым, вслед за К. Полянью писавшим о напрасной попытке вывести законы рыночной экономики из природы человека [Нуреев 2014: 53].

Можно не согласиться с высказыванием, что в последние два десятилетия мы стремились к увеличению нашего геополитического влияния. Лишь отчасти это верно, но необходимо признать, что реализация данного направления государственной политики в последние годы стала особенно затруднительна. Обострившееся противостояние со странами Запада породило ряд вызовов экономической безопасности державы. Правы те авторы, которые утверждают, что в условиях жесткого противостояния различных общественных систем и государств, обладающих ядерным оружием, единственно возможным способом разрешения противоречий на международном уровне является диалог [Чумаков, Стычинский 2018]. Не имея устойчиво растущей экономики, стране весьма затруднительно противостоять существующим внешнеполитическим вызовам. Поэтому сейчас необходимо сконцентрировать свои силы на создании надежной почвы под ногами нации, которая уже позднее обеспечит нам мировое лидерство и укрепление национальной безопасности страны. Важной в этом плане является мысль премьер-министра Объединенных Арабских Эмиратов Мохаммеда ибн Рашида аль-Мактума: «Экономика – лошадь, политика – телега. Они должны занимать надлежащее места – экономика должна идти впереди политики, а не наоборот» [Гладких 2016: 103]. Именно так поступил Китай, экономический рост которого, по данным информационного портала *Trend Economy*, составил 121 % за десять лет (2007–2017), что сделало его первой экономикой в мире по размеру ВВП.

Возникает закономерный вопрос: как нам достичь экономического процветания, даже если приложить к этому все усилия? Прежде всего необходимо выбрать собственный, уникальный путь. В этом нам, безусловно, может помочь опыт других стран, одним лишь копированием зарубежных моделей заниматься не стоит [Пивоварова 2011: 67]. Необходимо учитывать национальные особенности и современную обстановку и, основываясь на этом, выбирать потенциально удачные меры, адаптируя их непосредственно к интересам своей страны.

Как все мы знаем, в 1990-е гг. наша страна, отказавшись от социалистической модели экономики, приступила к строительству капитализма. Тогда крупнейшей ошибкой, оказавшей значительное влияние на современное развитие России, стало то, что мы попытались воссоздать либеральную модель рынка, применяемую в англосаксонских странах, таких как США, Великобритания, Канада, Австрия и Новая Зеландия [Дзарасов 2012: 235]. Такая модель предполагает наличие конкуренции во всех отраслях, ценовых сигналов как главных индикаторов, низкую защиту занятости и высокие ставки оплаты труда, активные процессы слияний и поглощений. Таким образом, Россия приступила к реализации мер, предложенных странам с переходной экономикой в рамках «Вашингтонского консенсуса» [Глазьев 1998: 40] и направленных на усиление роли рыночных сил и снижение роли государств, а именно проведению обвальная приватизации, введению плавающего обменного курса рубля, либерализации внешней торговли, дерегулированию национального хозяйства.

Как известно, последствия «Вашингтонского консенсуса» весьма противоречивы. Об этом свидетельствуют данные роста ВВП для государств с переходной

экономикой (рис. 1). Страны, отказавшиеся от выполнения «Вашингтонского консенсуса» (Китай, Вьетнам, Индия), показывают значительно более высокие темпы роста экономики по сравнению со странами, принявшими названные рекомендации (Россия, Украина, Грузия).

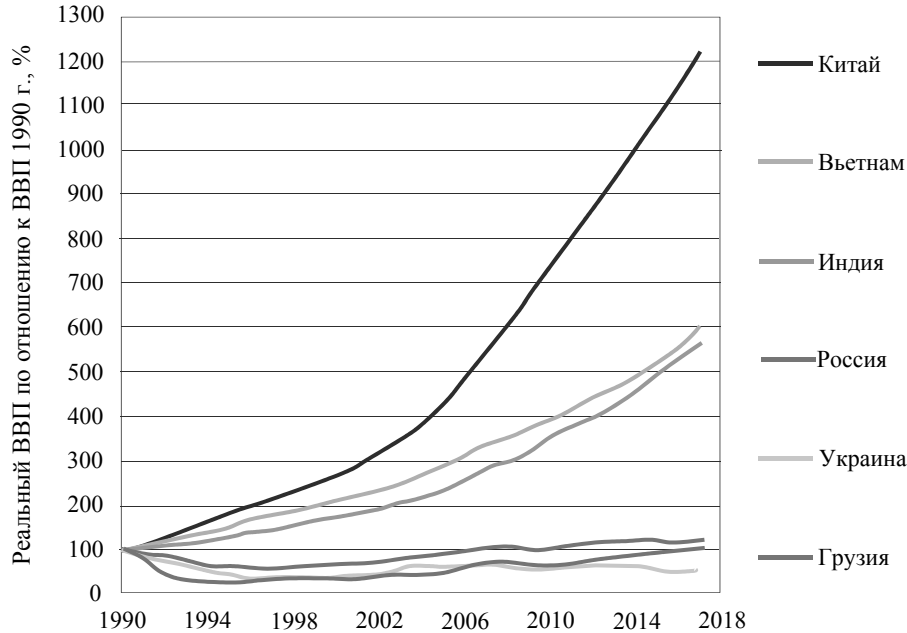

Рис. 1. Сравнение темпов роста ВВП стран с переходной экономикой, присоединившихся к «Вашингтонскому консенсусу» (Россия, Украина, Грузия) и отказавшихся от него (Китай, Вьетнам, Индия), за 1990–2017 гг., %

Источник: составлено авторами по данным интернет-платформы *Google Public Data Explorer*.

Таким образом, наибольший рост экономики среди стран с переходной экономикой наблюдается у тех государств, которые в период реформ занялись не простым копированием западного опыта, а выработкой собственной модели экономического развития. Учет национальных особенностей очень важен, так как нет универсального метода достижения благосостояния. Об этом свидетельствует история развития Японии и новых индустриальных стран, а именно Южной Кореи, Сингапура, Гонконга и Тайваня.

Однако с начала 2010-х гг. в публицистической литературе можно встретить характеристику современной модели российской экономики как государственного капитализма, подразумевающего наличие у государства обширных контрольных и стабилизационных функций в экономике и развитие государственного капитала в форме корпораций и суверенных фондов благосостояния. Но этот тезис должен встречать не волну критики, а поддержку и дальнейшее развитие на национальном уровне. Установление госкапитализма в России является нарушением навязанного нам «Вашингтонского консенсуса» и возвращением к национальной традиции наличия особой роли государства в экономике, которая формировалась

не только в советские годы, но и в период существования Российской империи. Именно тесное взаимодействие государства и бизнеса, а не реализация принципа *laissez-faire*, обеспечили наибольшие темпы роста отечественной экономики за всю историю ее существования, а именно на рубеже XIX–XX вв., накануне Второй мировой войны, а также в 1950–1970-е гг.

При рассмотрении исторического прошлого нашей страны становится очевидным, что англосаксонская либеральная модель экономики нам совсем не подходит. Экономика России должна развиваться под покровительством государства, а не отдельно от него, и потому кейнсианская теория макроэкономического равновесия представляет для нас особый интерес. Однако властвующие структуры не должны забывать и о поддержке частной инициативы, развитие которой оправдывает расширенную роль государства. Для успешного движения в данном направлении необходимо изучение опыта стран, реализующих на практике объединение капиталистических и социалистических идей и показывающих наиболее высокие темпы экономического роста. К таким странам относятся нетипичные представители капиталистического мира: Япония и Сингапур, страны с планово-рыночной экономикой, такие как Китай, Вьетнам, Индия, Бразилия и ряд других.

Учитывая все вышесказанное, возьмем на себя смелость сформировать ряд предложений по реформированию системы государственного управления экономикой в современной России, основанных на обобщении зарубежного опыта и демонстрирующих основную суть нового курса, направленного на улучшение качества жизни россиян и укрепление национальной безопасности страны. Группировать предложения будем в соответствии с важнейшими направлениями государственной экономической политики:

- цифровизация экономики;
- реформа налоговой системы;
- реформа системы социального обеспечения и повышение производительности труда;
- управление государственными инвестициями.

1. Итак, именно цифровизация экономики должна стать важнейшим направлением стимулирования развития, причем под цифровизацией будем понимать не что иное, как внедрение достижений нового этапа научно-технического прогресса в реальную экономику. Не стоит надеяться на простое оживление рыночной конъюнктуры, так как, по нашему мнению, основанному, впрочем, на высказываниях известных экономистов, «за исключением потенциальных возможностей использования цифровых технологий в российской экономике по большому счету нечему расти» [Чернышев 2018: 270]. Но, так как мир находится лишь на пороге четвертой технологической революции, у нашей страны тем не менее есть все шансы, используя новую волну, перестроить национальную экономику с экспортно-сырьевого типа на информационный.

Безусловно, цифровая экономика предполагает использование целого набора разнообразных технологий. На повестку дня сегодня выходит технология распределенных реестров, или технология блокчейн. Особо отметим, что хотя блокчейн ассоциируется с заведомо утопической концепцией биткоина, сфера его примене-

ния выходит далеко за область криптовалют. Мы ранее подробно рассматривали, что он может быть внедрен в систему государственных закупок в целях сокращения большого на данный момент числа нарушений, в бухгалтерский учет и аудит, Интернет вещей, процесс голосования и подсчета голосов [Николайчук 2017], а также в такое перспективное направление, как государственные краудфандинговые платформы.

Важно понимать, что последствия внедрения абсолютно новой технологии для частного сектора экономики достаточно дорогостоящи, и поэтому его обеспечение должно быть оплачено государством. Однако не само применение блокчейна и аналогичных достижений прогресса является нашей целью. Как говорил 35-й президент США Джон Кеннеди, большая волна поднимет все лодки [Котлер 2016: 52]. Технологическая перестройка экономики вовлечет в процесс перемен малый, средний и крупный бизнес, основные слои населения, что и призвано обеспечить несырьевое развитие нашей страны, тем самым укрепить национальное достояние.

2. Вторым обозначенным нами пунктом является реформа налоговой системы. В соответствии с кейнсианской парадигмой развития растущий объем потребительских расходов как важнейший фактор увеличения совокупного спроса является залогом экономического роста страны [Кейнс 2017: 36]. Однако у наиболее обеспеченных слоев населения показатель склонности к потреблению ниже, чем у наименее обеспеченных, то есть первые больше склонны к сбережениям. Таким образом, для российской экономики распределение одного и того же объема располагаемого дохода среди бедных эффективнее, чем аналогичное распределение среди богатых, так как, во-первых, бедные больше потребляют, а во-вторых, это ведет к большему повышению спроса на отечественную продукцию, поскольку обеспеченные слои населения ориентированы на «люксовое» потребление, представленное в основном товарами зарубежного производства. К слову, нищими в нашей стране считаются люди, имеющие ежемесячный заработок в размере 8–12 тыс. рублей, бедными – от 12 до 20 тыс. руб., а зарплату выше 60–70 тыс. рублей в месяц получают только 7 % населения страны.

Анализ распределения совокупного объема зарплат по категориям работников в России (рис. 2) показывает, что работники со средним уровнем заработной платы менее 60 тыс. руб. в месяц располагают значительно большим их совокупным объемом, нежели оставшаяся часть работников. Таким образом, небольшое понижение ставки НДФЛ для данной категории работников в рамках введения прогрессивной шкалы НДФЛ обеспечит значительное увеличение их располагаемого дохода, что станет дополнительным стимулом роста отечественной экономики, как это было обозначено выше.

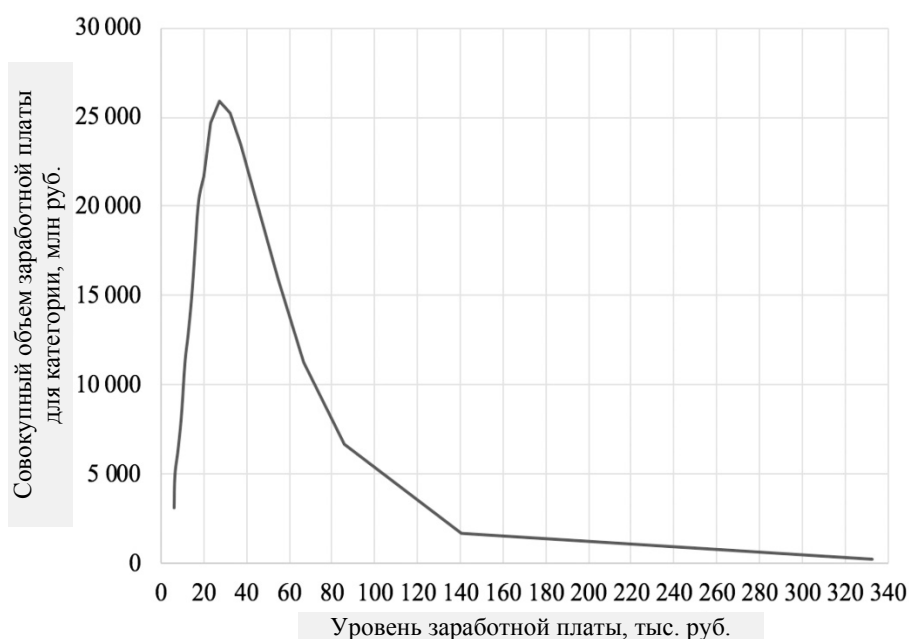

Рис. 2. Распределение совокупного объема зарплат по категориям работников в Российской Федерации [Косов, Бондаренко 2018: 1274]

Кроме того, изменения налогового законодательства должны коснуться и общественных корпораций. Государство, оказывая поддержку субъектам крупного предпринимательства, должно рассчитывать на максимальную отдачу в периоды благоприятной конъюнктуры. Таким образом, налог на сверхприбыли сырьевых компаний обеспечит, с одной стороны, повышение поступлений в бюджет Российской Федерации, а с другой – переориентацию во вторичный и третичный секторы экономики в поисках сверхприбылей.

3. Дополнительный потенциал роста российской экономики связан с реформой системы социального обеспечения. Социальная помощь отдельным категориям населения приводит к росту располагаемого дохода и, как следствие, потребительских расходов и совокупного спроса. Однако, обратившись к кейнсианской теоретической концепции, можно увеличить благотворное влияние подобных выплат на экономику. Как известно, Дж. М. Кейнс призывал государство к организации общественных работ для борьбы с последствиями Великой депрессии. В наши дни данный принцип может быть использован в виде получения безработными и малоимущими лицами социальных пособий не в форме трансфертов, а, например, в форме платы за проводимые государством работы по улучшению инфраструктуры. Данная мера обеспечит не только повышение располагаемого дохода, но и решение такой вечной российской проблемы, как неразвитость инфраструктуры, а также понижение уровня безработицы, который хотя и остается относительно низким в среднем по стране (4,7%), но в отдельных субъектах до-

стигает высоких показателей (10,2 % – в Забайкальском крае, 19,0 % – в Республике Тыве, 26,5 % – в Республике Ингушетии) [Минтруд России 2019].

4. И наконец, четвертая группа факторов экономического роста, кроющаяся в системе управления государственными инвестициями. Напомним, что, по мнению Первого заместителя Председателя Правительства – министра финансов Российской Федерации А. Г. Силуанова, высокие темпы роста российской экономики можно обеспечить только с увеличением доли инвестиций в ВВП. Сейчас этот показатель составляет около 21 %, в то время как в ряде быстроразвивающихся экономик – 30–40 %. Таким образом, хроническая нехватка иностранных инвестиций в России сочетается с практикой размещения средств Фонда национального благосостояния и предшествующих ему суверенных фондов в зарубежные активы. В связи с этим необходимо осуществить частичную переориентацию инвестиций ФНБ на внутренний рынок для инновационной индустриализации страны по примеру Китая.

Итак, на основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Россия – уникальная страна, которая не может развиваться исключительно в капиталистической или социалистической парадигме. Единственным выходом для нашей страны является выбор собственного пути развития между двумя названными концепциями, но мы в этом не одиноки. Государства с социально-демократической и планово-рыночной моделями экономики уже несколько десятилетий следуют в альтернативном направлении и добились больших успехов в своем развитии.

В экономике нет универсальной схемы обеспечения сбалансированного роста. Поэтому «Вашингтонский консенсус», пренебрегающий возможностью учета национальных особенностей отдельной страны, изначально обречен на неудачу при всеобщем применении.

Исторической особенностью нашей страны является особая роль государства в общественном развитии и, в частности, в экономике. Попытки переломить сложившуюся тенденцию в 1990-е гг. привели к негативным результатам, последствия которых стало возможным исправить только после возвращения к политике активного государственного вмешательства в экономику. Но не стоит относиться к этому как к временной мере. Хотя вопрос государственного и частного партнерства стар как мир, тем не менее необходимо и дальше работать над совершенствованием партнерства государства и бизнеса, находить новые точки соприкосновения и направления сотрудничества.

Данные предложения, по нашему мнению, основанные в том числе и на обобщении зарубежного опыта, идее «третьего пути» Дж. М. Кейнса, применении передовых технологий, обеспечат поступательное развитие экономики России, достижение высокого уровня благосостояния ее граждан и тем самым будут способствовать укреплению национальной безопасности страны.

Литература

Гладких Е. Л. Эволюция экономической безопасности // Ростовский научный журнал. 2016. № 11. С. 100–116.

Глазьев С. Ю. «Вашингтонский консенсус» и научно-технический прогресс в России // Экономическая наука современной России. 1998. № 6. С. 39–46.

- Дзарасов С. С. Куда Кейнс зовет Россию? М. : Алгоритм, 2012.
- Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М. : Гелиос АРВ, 2017.
- Косов М. Е., Бондаренко Н. О. Теории пропорционального и прогрессивного налогообложения: практика применения // Международный бухгалтерский учет. 2018. Т. 21. № 11. С. 1267–1280.
- Котлер Ф. Конец капитализма? 14 антидотов от болезней рыночной экономики. М. : Эксмо, 2016.
- Минтруд России. Информация о ситуации на рынке труда Российской Федерации. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/inform/1>.
- Николайчук О. А. Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов // Journal of Economic Regulation. 2017. Т. 8. № 1. С. 142–154.
- Нуреев Р. М. Очерки по истории институционализма. 2-е изд. Ростов н/Д., 2014.
- Пивоварова Э. П. Социализм с китайской спецификой. М. : Форум, 2011.
- Ракитов А. И. Культура, цивилизация и современные технологии в перспективе глобальных трансформаций // Век глобализации. 2018. № 3(27). С. 47–57.
- Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» от 07.05.2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 27.09.18).
- Шапкин И. Н., Воскресенская Н. О. Институциональная матрица России в контексте проблем глобализации // Век глобализации. 2016. № 4(20). С. 100–114.
- Чернышев С. Б. Техноэкономика. Кому и зачем нужен блокчейн? М. : Политическая энциклопедия, 2018.
- Чумаков А. Н., Стычинский М. С. Культурно-цивилизационный диалог и его возможности в условиях глобального мира // Век глобализации. 2018. № 1(25). С. 3–14.